

Эва Гринерс

**СЕРДЦЕ СНЕЖНОЙ
КОРОЛЕВЫ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г85

Г85 **Гринерс Э.**
Сердце снежной королевы / Эва Гринерс – М.: Литнет, 2026. – 252 с.

ISBN 978-5-521-99068-9

Тамара Александровна была женой археолога, ученого. И в этом видела своё предназначение - помогать мужу осуществить его мечту. Отыскать настоящее сокровище - Сердце Снежной королевы. Увы, ему это не удалось... Когда Тамара обнаруживает, что ей дана вторая жизнь в теле северянки Аяны, она задумывается: зачем это всё, ради чего? Ответ приходит внезапно, и теперь ей предстоит сделать то что не получилось в прошлой жизни. Однако, сначала нужно выжить в условиях Крайнего Севера, где сурова и природа, и люди, и их обычаи. Впрочем, с этого приключения только начинаются. Аяне предстоит долгий путь в высший свет. А вот зачем девушке необходима аудиенция у самого императора, она будет скрывать ото всех. Потому что третьего шанса точно не может быть.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99068-9

© Литнет, 2026
© Э. Гринерс, 2026

Глава 1*

В комнате, по периметру которой располагались высокие, до самого потолка, книжные шкафы, раздавалось громкое, отчетливое тиканье. Его издавал старый обшарпанный будильник, размер циферблата которого был с пирожковую тарелку.

Как и всё в этой комнате, будильник был очень старым, но выбросить его не поднималась рука. Муж мой, Миша, всегда вставал по утрам по этому будильнику в те нечастые дни, когда бывал дома.

Здесь всё напоминало о муже, всё было его наследием: книги, учебники его авторства, фотоальбомы, папки с бумагами, рулоны географических и тематических карт с его личными пометками.

Муж был геологом и археологом, ученым, профессором, специалистом по Крайнему Северу. Изучал неизведанные еще места, искал новые месторождения. Но главной целью его жизни было отыскать настоящее сокровище – утерянный когда-то в начале 19 века артефакт, который сам он называл «Снежной бабой», а я более романтично – «Сердцем Снежной королевы».

Артефакт представлял собой фигурку размером с ладонь, вырезанную из мореной лиственницы, пролежавшей на дне какого-то озера или реки больше двухсот лет. В неё был врезан сапфир, размером с грецкий орех.

Миша написал о предмете своей страсти множество научных трудов, десятки статей. Его исследования и поисковая работа были объектом интереса зарубежных специалистов. Много раз исследования пытались купить, а мужа завербовать. Но Миша был предан своему НИИ, где, однако, его труды о «Снежной королеве» воспринимали прохладно, убеждая бросить это гиблое дело.

Считалось, что артефакт – практически легенда. Какие-то рассказы, непонятные зарисовки, отметки на картах, сделанные неизвестно кем, и одна-единственная старинная фотография. Скорее всего, фигурка сгорела в пожаре, вместе с одним из поселений.

Но муж не сдавался, искал почти всю жизнь, проводил раскопки, пока не подкосила его болезнь. Умер он тихо, у меня на руках. Так я осталась совсем одна.

Часто я вспоминала, как пришла на практику в НИИ, где Миша, для студентов – Галкин Михаил Романович, уже был довольно именитым, хоть и молодым ученым. Я, юная практикантка, влюбилась с первого взгляда. Для меня он был полубогом с сумасшедшим огнем в глазах.

Поженились скоропалительно в конце моей преддипломной практики. Честно говоря, я так и не поняла, почему он внезапно сделал мне предложение: на кафедре были девицы и ярче, и уверенней в себе.

Миша никого не замечал, не выделял. Он был помешан на своей работе, экспедициях, открытиях и поисках сокровищ Крайнего Севера. А я, видимо, ему просто не мешала. Наоборот, старалась помогать, с живейшим интересом слушала его рассказы, изучала и перепечатывала его труды.

Мечтала, что когда-нибудь мы вместе будем просыпаться в палатке под еловой лапой в капельках на рассвете, умываться из ледяного ручья, есть кашу с запахом костра и раскрывать тайны Севера. Такая вот научно-исследовательская семейная романтика.

Однако, первая же экспедиция положила конец всем этим мечтам. На пути туда вертолет рухнул камнем в таёжные дебри, и... я осталась инвалидом на всю жизнь. Перелом позвоночника. Миша и другие отделались легкими ушибами.

Я безропотно благодарила судьбу, что хотя бы не стала лежачей. Передвигаться могла только в пределах квартиры и то с трудом, временами с палочкой.

Муж повел себя благородно – не бросил. Хотя забыть пришлось не только о совместных экспедициях, но и о детях. Впрочем, они были ему не так уж-то и нужны.

Он по-прежнему исследовал Север, пропадал по полгода. Я понима-

ла, что муж, скорее всего, не скучает в одиночестве, когда отсутствует дома, но никогда об этом не говорила.

Однако, Миша всегда возвращался домой ко мне, вроде бы даже был рад встрече. И я надеялась, что была его надёжным тылом, соратником, неизменной поддержкой.

По приезду разбирала рюкзаки, вещи, пропахшие травами и дымом, кормила борщом с его любимыми чесночными гренками и садилась за бумаги, которых Михаил привозил целый чемодан: нужно было разбирать и систематизировать записи мужа, чтобы перепечатать. Были там и рассказы охотников, и карты, нарисованные от руки, и данные для научных каталогов, и даже гербарии с налипшими комочками земли на корешках.

Я решила подняться и заварить чай. Теперь уже точно не засну: ночь пролетела незаметно, как будто её и не было.

Хотя сон мне, кажется, всё-таки снился. Или это было воспоминание... Они сейчас почему-то часто прилетали ко мне – слайды прошлого.

Инструктаж мы проходили накануне вылета в Красноярск. Я наконец-то познакомилась с остальной группой, состоящей, кроме нас с Мишей, из шести человек. Муж на ухо рассказывал мне кто есть кто: этнографы, географы. В основном аспиранты. Девушек, кроме меня, не было.

Инструктаж проводил пожилой коллега Михаила с круглой большой головой, его все называли Глобус, и какой-то мужчина в военной форме, очень строгий и молчаливый. Сам он ничего не рассказывал. Только слушал Глобуса, кивал и делал пометки в каком-то журнале.

Я старалась слушать внимательно, однако постоянно уносила мысленно туда, представляя наглядно то, о чем нам рассказывали.

Вот разве я могла предположить, что комар в тайге не комар, а гнус. И видов этого гнуса то ли пять, то ли семь. У меня зазудело всё сразу, и я незаметно почесывалась через одежду.

Глобус запугивал, нагнетал:

– Даже привычные комары в тайге представляют опасность: ведь они нападают на человека огромными колониями. Эти кровососущие насекомые способны переносить малярию и лошадиный энцефалит, а защититься от них непросто.

Поэтому летом в тайге не обойтись без накомарников, перчаток и плотной закрытой одежды, – продолжал рассказывать страшил-ки Глобус.

Я поёжилась и прошептала Мише на ухо:

– Что же ты молчишь, что столько всего нужно: накомарники какие-то, перчатки. Зимние, что ли? Одежду я тоже летнюю набрала...

– Не переживай, – прошептал Миша, – у меня есть все, что нужно. Снарядим тебя за вечер. Зато тебя вдруг озарило, что всё серьёзно. А так и не почесалась бы.

Я хрюкнула, услышав это «не почесалась», потому что исчезалась уже вся от одного инструктажа.

А Глобус тем временем перешел к следующему пункту, однако, вдруг закашлялся и взял стакан с водой, прохрипев:

– Ребята, прочитайте вот отсюда кто-нибудь.

Миша сорвался с места и схватил тонкую пачку серой бумаги с отпечатанным на машинке текстом. Местами листочки были пробиты до дырочек.

Глобус крутил головой и постукивал пальцем. Военный продолжал делать отметки в журнале. А я старалась слушать очень внимательно.

Миша читал о том, как разводить огонь, искать воду, прятаться от дикого зверя... Тут я принялась лихорадочно записывать в тетрадь каждое слово.

В конце инструктажа я была ни жива, ни мертва. Мне всё было ясно: если я вдруг останусь одна, мне крышка. После того, как инструктаж был окончен, поднялся военный и строго спросил, не желает ли кто-то отказаться от поездки, потому что сегодня документы передаются для окончательного утверждения.

Я судорожно проглотила комок, состоящий из соблазна и слабости, и уставилась в стол. Мишка постоял еще на трибуне рядом с военным для важности и прошествовал за наш стол.

– Не дрейфь, Томка! Выживешь! – прошептал он, сжимая мою влажную ладошку.

Следующие два дня у меня голова шла кругом от сборов. А на третий мы все, навьюченные, как лошади, вылетели в Красноярск.

На плите засвистел чайник. Сначала тихонько, деликатно, а потом громко и требовательно. Я встала, не торопясь. С того момента, как я получила травму, научилась двигаться плавно, без резких движений.

Если же случалось, к примеру, споткнуться или повернуться неловко, спину несколько раз пронзала острая боль, как будто меня насаживали на горячий шомпол.

Поэтому не торопимся, чайник никуда не денется.

– Иду, иду, – проворчала я, обращаясь к нему, как к живому. Заварив на кухне чай, вернулась в кабинет. После смерти мужа я часто оставалась спать здесь, на его диване. Можно было разглядывать золоченые корешки подарочных изданий или истёртые до прорех справочники и атласы «Минералогия», «Камни и кристаллы», «Геология месторождений».

Целый стеллаж занимали образцы пород и полудрагоценных камней. В советскую пору к нам в дом даже ребяtiny из соседней школы, где я недолго проработала учителем географии, на экскурсии

водили. Славно было. Особенно, когда Миша находился не в экспедиции, а дома.

Сегодня я решила разобрать фотографии из альбома с надписью «Кедровая падь. Исследования диабазы». Многие снимки хранились между страницами, нужно было вклеить их на пустые страницы, аккуратно надписав даты. Это не было необходимым делом, может, даже и вовсе пустой труд теперь. Но я упорно приводила архив мужа в идеальный порядок. Кому-нибудь да пригодится.

Через час-два работы устали глаза, и я сняла очки. Поморгала, посмотрела вокруг, чтобы снять напряжение. Привычно встретила со взглядом мужа, который смотрел на меня с большой фотографии. Серьезно смотрел, взволнованно. Очень похожий на режиссера Тарковского.

Сейчас бы разбирать его спрессованные в комок вещи после очередного похода. Или хотя бы ждать возвращения. Хорошо, когда есть кого ждать.

Словно в ответ на мои мысли, раздался звонок в дверь.

– Тётя Тома, это я! – раздался голос Светланы, моей соседки по лестничной площадке. Она всегда заходила ко мне спросить: не нужно ли чего захватить в магазине.

– Иду, Светочка! – отозвалась я и пошла ко входной двери, держа спину ровно, словно какая-нибудь царствующая особа.

– Тётя Тома, – соседка держала за руку сынишку, который тянул её к лифту, нетерпеливо подпрыгивая, – мы гулять, ну и в магазин потом. Взять вам что-нибудь?

Я улыбнулась мальчишке, который смотрел на меня исподлобья – шапка лезла на глаза.

– Спасибо, деточка, не нужно. Только вчера соцработник была. У меня всё есть.

– Может, хлебушек свежий или булочку? – не сдавалась Света, удерживая ребятёнка, который повис на ней с завыванием «Ну, маааааа...»

– Хорошо, булочку возьми. Спасибо, детка! – торопливо проговорила я, чтобы только не задерживать.

Светочка махнула мне рукой, и они с сыном бегом поскакали к лифту. А я вернулась в комнату.

Проходя мимо зеркальной дверцы шкафа, задержалась. Посмотрела на себя, сравнивая с той девчонкой в сером шерстяном платице, с комсомольским значком на груди, из своих воспоминаний.

Сейчас на меня смотрела из зеркала полноватая, болезненного вида пожилая женщина в фиолетовом байковом халате. Короткая седая стрижка, круглые очки. Им лет тридцать, наверное.

Обычно я старалась выглядеть дома более собранно и аккуратно: ходить в платьях или юбках и блузках. Всё-таки жена профессора, бывший преподаватель. На случай, если заглянет кто-то из НИИ с праздником поздравить. Или из Мишиных бывших студентов, уже почтенных дяденек, посмотреть что-нибудь в архиве.

Раньше такое случалось часто. В последние же года два никто не заходил. Это время тоже ушло.

Вздохнув, я решила поставить альбом на полку к остальным. Для этого нужно было подняться на четыре ступеньки небольшой библиотечной стремянки. Если не торопиться, ничего сложного.

Однако, когда я оказалась наверху, снова неожиданно раздался дверной звонок. Резко и пронзительно.

Вздрыгнув, я неловко взмахнула рукой, хватаясь за воздух, и качнулась назад, не чувствуя опоры...

Пару дней мы болтались между аэропортами на чихающих фанерных самолетиках, и к концу пути прибыли на вертодром.

Там мы провалялись трое суток на поляне рядом с малюсеньким аэродромом. Учились разводить разные виды костров и вязать веревки из травы. Было весело. Вечерами парни играли и пели под гитару.

Смотрели на огни вертодрома. Отсюда развозили участников экспедиций в точки, изучаемые специалистами разных кафедр НИИ.

Мы ждали своей очереди. Как студенческий отряд, нас постоянно отодвигали. Понимая важность работы других товарищей, мы не спорили, хотя я видела, как Миша злился и нервничал.

На исходе третьего дня к нам подбежал сотрудник порта – маленький и кривоногенький. Беспреданно шмыгая носом, он предложил нам лететь прямо сейчас, объяснив, что иначе придется ждать еще неделю.

– Поехали! Полетели! – зашумели мои попутчики.

У меня невольно сжалось сердце. «Ну, вот и всё», – подумалось почему-то. Миша ободряюще улыбнулся мне и дернул за косу. Нас наскоро запихнули в старый потрепанный вертолет. Очень объемный внутри, практически как бабушкин дом в деревне. Косенький работник растолкал нас, как мешки, на сиденья и втихаря перекрестил.

Вертолет затрясся, как будто под ним ломалась земная кора, покачался немного и резко оторвался от земли. Гудя, как слепень над полем, он метнулся туда-сюда и поднялся над кромкой леса. «Чем не море? – подумала я. – Вот оно – море тайги!»

Лететь нам было около часа. Я приготовилась разглядывать зеленые волны под нами и млела от восторга, забыв о всяких страхах. Почти все мои попутчики спали. Только Миша записывал в тетрадке что-то. Всегда в работе...

Стал накрапывать дождик. Он косо бился в иллюминаторы. Смотреть стало не на что за серой пеленой.

Меня потихоньку клонило в сон, я уже почти приготовилась подчиниться Морфею, как вдруг всё вокруг зашаталось, запахло дымом и послышался отчаянный крик пилота:

– Группируемся! Рюкзаки обнять и перед собой держать! Падаем! После падения двигайтесь в сторону носа машины! С Богом!

Я только и успела бросить последний взгляд на Мишу, обхватить